

МАРИЯ КИРОВА

**КОРОЛЬ,
КОТОРОМУ НЕЛЬЗЯ
МЕНЯ КАСАТЬСЯ**

Мария Кирова

**Король, которому
нельзя меня касаться**

«Автор»

2026

Кирова М.

Король, которому нельзя меня касаться / М. Кирова — «Автор»,
2026

Он казнил моего отца. Теперь я должна стать его женой. Король Кайрен Морвейн проклят: одно прикосновение к его коже может украсть у человека месяцы или даже годы жизни. Поэтому он носит чёрные перчатки, никого не подпускает близко и давно привык править без любви. Лиара Вейн умеет распутывать магические клятвы, возвращать людям свободу и находить ложь, спрятанную в самых безупречных договорах. Пять лет она скрывалась от короны, виновной в гибели её семьи. Но когда древняя клятва начинает высасывать жизнь из целого города, спасти столицу может только брак короля с мастером запретной магии. Их союз рассчитан на сорок дней.

© Кирова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Серебро под кожей	5
Глава 2. Дочь мастера Вейна	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Король, которому нельзя меня касаться

Глава 1. Серебро под кожей

Брачная клятва вошла женщине под ноготь.

Лиара увидела это прежде, чем та успела снять мокрый платок и назвать чужое имя, под которым пришла. Серебряная нить тянулась от безымянного пальца вверх, к запястью, но обычный брачный знак ложился поверх кожи ровным обручем. Этот прятался. Он уходил в мясо, цеплялся за сухожилие и там раздваивался: одна ветвь держала обещание, другая – страх.

– Руку на стол, – сказала Лиара.

Женщина покосилась на закрытую дверь переплётной мастерской. За стеной Ивена тяжело передвигала ящики, нарочно шумела и бранила поставщика клея. В нижнем Лиоре каждому занятию требовался правдоподобный звук. У незаконной магии лучше всего получался звук честного ремесла.

– Госпожа Мара, мне сказали, вы сначала спрашиваете...

– Спрошу, когда увижу, не обещали ли вы отвечать заученными словами.

Женщина положила ладонь на доску. Ей было чуть больше тридцати, хотя вокруг глаз уже собрались тонкие усталые складки. От пальцев пахло щёлоком. Прачка или красильщица. На манжете – синее пятно, под кожей – слишком чистое серебро, каким любили писать договоры люди, никогда не стиравшие бельё.

Лиара зажгла вторую лампу и придвинула медную пластину. На ней отец когда-то вырезал семь канавок разной глубины. Для учеников – чтобы привыкали отличать обещание от намерения, цену от наказания. Для Лиары – чтобы пальцы помнили то, что голова предпочитала забыть.

Она провела пластиной над чужой ладонью, не касаясь. Серебро поднялось из-под кожи, как тонкая проволока под магнитом.

– Что вы обещали?

– Быть женой Дорна Севера до смерти.

– Чьей?

Женщина сглотнула.

– В договоре не сказано.

Вот и первый крючок.

– Вы согласились?

– Я произнесла слова.

Лиара подняла глаза. Женщина смотрела не на неё, а на ножи, уложенные на белой ткани. Самый тонкий был короче мизинца. Никакую плоть им резать не требовалось, но клиенты редко верили этому до конца.

– Я спрашивала не о словах.

– Он держал моего сына в долговом доме. Сказал, мальчика отправят на солеварни, если я не соглашусь.

Серебряная ветвь страха дрогнула. Лиара подцепила её медной иглой, и женщина резко втянула воздух.

– Больно?

– Нет. Будто вспомнила, как было.

– Это хуже боли, но длится меньше.

Лиара привыкла к таким узлам. В последнее время они попадались чаще: браки, подписанные у дверей долговых домов; ученические клятвы, отдававшие мастеру не семь лет труда, а имя ученика; расписки, в которых «до уплаты» означало «пока кредитор не признает себя

удовлетворённым». Богатые называли это точностью формулировки. Бедняки – тем словом, которое не полагалось произносить при хранителях.

Она закрепила нить на первой канавке пластины и стала распускать обещание от края к середине. Спешить было нельзя. Сломанная клятва мстила тому, кто её дал; распутанная возвращала каждому только его собственное. В этом и состояла разница между палачом и мастером, хотя Палата клятв последние пять лет делала вид, будто разницы нет.

– Имя сына?

– Пел.

– Его долг погашен?

– Я работала два года. По расписке – да. Дорн говорит, теперь я должна за содержание.

– Конечно, говорит.

Вторая ветвь оказалась вплетена в долг мальчика. Лиара ждала этого. Она нагрела иглу над лампой, положила рядом щепоть соли и велела женщине произнести:

– Я выбираю вернуть себе обещание, которое дала под угрозой.

– Я выбираю...

Слова легли неровно. Серебро под ногтем вспухло, на миг стало ярким. Лиара провела иглой вдоль ложного соединения.

И остановилась.

В глубине брачной печати была ещё одна нить. Такая тонкая, что человеческий глаз принял бы её за отблеск. Она не принадлежала женщине, её мужу или долговому дому. Она шла дальше – сквозь стол, каменный пол, землю под домом. На северо-восток.

К одному из семи старых колодцев Лиора.

Лиара медленно положила иглу.

– Что? – спросила женщина. – Вы не можете снять?

– Могу. Сидите спокойно.

Она сменила угол лампы. Нить исчезла. Лиара вернула пластину на прежнее место – нить появилась снова, но теперь она различила крошечные ответвления, которыми чужое обещание цеплялось за нечто огромное. Не договор Дорна Севера. Даже не сеть долгового дома. Плетение уходило в город, как корни дерева, которому вместо воды давали человеческие годы.

– Где заключали брак?

– У хранителя в квартале Медников.

– Из какого кувшина пили воду после клятвы?

Женщина испугалась впервые по-настоящему.

– Обычай такой. Из храмового. Госпожа Мара, я не знала...

– Какой колодец питает храм?

– Седьмой, кажется.

Лиара отодвинула стул. Под полом едва слышно звякнуло серебро.

Раньше она принимала этот звук за усталость. В последние недели он возникал то в водосточной трубе, то у городской стены, то возле хлебных весов, где торговцы приносили присягу не обманывать покупателей. Тихий, почти ласковый. Так звенел бокал, если провести влажным пальцем по краю.

Она думала, город просто переполнен обещаниями.

Город был связан одним.

– Послушайте меня. Я сниму вашу печать. После этого заберёте сына и до утра уйдёте к западным воротам.

– Но ворота на ночь закрывают.

– Скажите караульному, что в третьем подвале долгового дома течёт масло для ламп. Он побежит проверять, потому что два года назад там был пожар. Пока будет ругаться, выйдете с телегами зеленщиков.

– Откуда вы...

– Я чиню обещания. Люди много рассказывают.

Лиара снова взяла иглу. Теперь обычная работа казалась почти невозможной: за каждой нитью ощущалось натяжение сети. Она отделила страх от согласия, вернула долг владельцу долгового дома и заставила печать признать то, что та скрывала: выбор под угрозой не был выбором. Серебряный обруч вышел из-под ногтя. Женщина застонала, прижав руку к груди.

На доску упала тонкая чешуйка, похожая на рыбью.

Она должна была потемнеть.

Чешуйка осталась светлой и повернулась острым концом на северо-восток.

– Уходите, – сказала Лиара.

– А плата?

– Купите сыну сапоги.

Женщина попыталась поблагодарить. Лиара уже открыла внутреннюю дверь и позвала Ивену.

Тётка вошла с клеевой кистью в руке, словно собиралась отбиваться ею от стражи. На её переднике отпечатались золотые буквы с корешка какой-то молитвенной книги.

– Клиентка уходит через задний двор, – сказала Лиара. – Дай ей плащ и два пропуска зеленщиков.

Ивена поднесла светлую чешуйку к лампе.

– Что ты нашла?

– Пока не знаю.

– Это ответ, который твой отец давал перед тем, как испортить нам всем жизнь.

Женщина вздрогнула. Имя Эдрана не прозвучало, но некоторые имена умели входить в комнату без приглашения.

Лиара завернула чешуйку в бумагу.

– Я вернусь до закрытия ворот.

– Нет.

– Ты даже не спросила, куда.

– Если бы ты собиралась за вином, у тебя не было бы его лица.

Ивена терпеть не могла, когда Лиара походила на отца. Особенно ненавидела молчание перед решением: Эдран точно так же становился неподвижным, будто внутри него начинали работать весы. Пять лет назад он взвесил город, королевство и тайну, о которой не рассказал даже сестре. Потом его повесили на площади Эйдара, а король Кайрен Морвейн велел оставить тело на стене до темноты.

Лиара помнила не тело. Медные застёжки на отцовском воротнике. Одна оторвалась, когда ветер ударил по виселице, и долго качалась на нитке.

– Это проходит через седьмой колодец, – сказала она. – И, похоже, через остальные.

Ивена перестала размахивать кистью.

– Насколько оно велико?

– Я видела только край.

– Тогда оставь край в покое.

– Так не бывает.

– Бывает. Умные люди называют это жизнью.

Лиара поднесла медную пластину к полу. Семь канавок заполнились светом одна за другой. Не ярким – глубоким. Серебро будто находилось не на поверхности металла, а далеко под ним.

Ивена опустила на стул.

– Королевская работа?

– Может быть.

– Лиара.

Подпольное имя – Мара – защищало лучше стены. Настоящее, произнесённое тёткой, отозвалось тонким жаром на левом запястье. Детская учебная клятва: никогда не лгать отцу о том, что она видит в договоре. Эдран снял её, когда Лиаре исполнилось двенадцать, извинился и сказал, что учитель не имеет права отнимать у ученика возможность ошибки. Но след остался.

– Если сеть касается обычных браков, – сказала Лиара, – она уже берёт что-то с людей. Может, пока понемногу.

– А если ты полезешь в неё, она возьмёт тебя сразу.

– Тогда ты получишь мастерскую целиком.

– Ненавижу твой юмор.

– Он семейный.

Ивена выругалась и пошла за плащом.

Через четверть часа Лиара стояла у седьмого колодца. Дождь вымыл площадь, торговцы закрыли навесы, и только храмовый служка таскал внутрь корзины с мокрыми свечами. Колодец был старше соседних домов. На каменном кольце сохранились семь стёртых имён первых городских хранителей. Люди касались их перед дальней дорогой и обещали вернуться.

Лиара дождалась, пока служка исчезнет, привязала светлую чешуйку к серебряной нити и опустила в воду.

Нить вырвалась из пальцев.

Она успела обмотать конец вокруг медной иглы. Удар снизу был такой силы, словно на крючок попала лошадь. Игла рассекла кожу, кровь капнула на край колодца.

Мир разошёлся на швы.

Камни площади исчезли под переплетением серебряных линий. Они тянулись от каждого дома, от храмовых дверей, от городской стены. Тысячи мелких обещаний – платить, служить, хранить верность, не красть, не покидать – были пришиты к одной толстой жиле под землёй. Жила уходила к дворцу.

На ней стояла королевская печать.

Лиара знала этот знак. Его оттиск висел над площадью Эйдара в день казни: ворон с расправленными крыльями и короной в клюве.

Она заставила себя смотреть глубже.

Клятва состояла из сорока витков. Тридцать девять были туго затянуты, последний пока оставался свободным. Каждый виток означал день. В центре формулы скрывалось право владения, имя замазали слоями старых приказов. Прочесть его с края было нельзя, но смысл лежал открыто, потому что создатель не предполагал, что кто-то увидит узор целиком.

В назначенный срок жизнь всех, кто пил воду, жил под куполом и признавал защиту городских стен, переходила одному владельцу.

Лиара отпустила иглу.

Нить обожгла ладонь и исчезла в колодце. Площадь вернулась – мокрая, тёмная, пустая. Из храма доносилось пение. Две девочки прыгали через лужу у булочной, споря, кто первая коснулась белого камня. В окне напротив старик обрезал фитиль. Сотни тысяч людей занимались мелочами, не подозревая, что их жизнь уже вписана в чужой договор.

До срока оставалось сорок дней.

Лиара прижала порез платком. След крови на камне начал серебриться. Сеть узнала её.

Можно было бежать. Ивена приготовила под полом деньги, два имени и маршрут к морю. Отец погиб, попытавшись распутать королевские клятвы. Разумный человек хотя бы один раз извлёк бы пользу из наследства.

Лиара вытащила из кармана бумагу, завернула окровавленную иглу и направилась не домой, а к восточной караульне дворцовой стражи.

Она не доверяла королю.

Но городская клятва несла его печать, и прежде чем обвинить человека в убийстве столицы, следовало дать ему возможность доказать, что он всего лишь убийца одного города.

Глава 2. Дочь мастера Вейна

Женщина в комнате для допросов не боялась плахи.

Кайрен понял это по её рукам. Не по лицу: лицо она держала спокойно, слишком спокойно для подпольного мастера, пойманного с запрещёнными ножами и кровью на королевском колодце. Но руки выдавали то, чего она ожидала. Пальцы лежали на столе на расстоянии от края, чтобы стражник не мог внезапно схватить их. Левое запястье повернуто внутрь. Большой палец тёр старый серебряный след.

Она боялась прикосновения.

Разумная женщина.

Кайрен остановился по другую сторону решётки, отделявшей место дознавателя от обвиняемого. Между прутьями было девять дюймов. До стола – ещё четыре фута. Сена Ард стояла у двери, оба её клинка оставались в ножнах, хотя она недолюбливала магов сильнее, чем плохую обувь.

– Ваше величество, – сказала она. – Задержанная назвалась Марой Эллен. Такого имени нет ни в цеховых списках, ни в храмовых книгах.

– Потому что это не её имя.

Женщина подняла взгляд.

Пять лет изменили детское лицо, которое Кайрен видел на единственном изытом портрете семьи Вейн. Щёки стали острее. Тёмные волосы были заколоты медной иглой, небрежно, но игла сидела под тем углом, под которым мастер держал инструмент, готовясь разнять сложный узел. Глаза он помнил. Серо-зелёные, внимательные к краям вещей. На портрете девочка смотрела не на художника, а на трещину в раме.

– Лиара Вейн, – произнёс Кайрен.

Сена вынула клинок на два пальца.

Лиара не пошевелилась. Только серебряный след на запястье стал ярче.

– Я ожидала, что вы узнаете инструменты, – сказала она. – Не лицо.

– Инструменты вашего отца сгорели вместе с его мастерской.

– Значит, ваши люди плохо искали.

Сена тихо выдохнула через нос. Для неё это заменяло смех там, где смеяться было опасно.

Кайрен сел. Перчатка скользнула по деревянному подлокотнику. Кожа была новой, плотной, с двойным швом между большим и указательным пальцами. Тален заставил сменить старую утром: под ней опять проступила чёрная сетка. Плохой знак, но за последние десять лет его руки других не подавали.

– Капитан, – сказал он, – оставьте нас.

Взгляд Сены скользнул от решётки к рукам Лиары, затем к его перчаткам.

– Закон запрещает вам оставаться наедине с обвиняемой.

– Закон запрещает мне оставаться наедине с человеком в помещении без открытого выхода. Дверь останется открыта.

– Это толкование, за которое хранители однажды вас повесят.

– Они встанут в очередь.

Сена убрала клинок и вышла в коридор. Дверь оставила распахнутой. В просвете были видны двое стражников и половина её плеча.

Лиара проводила её взглядом.

– Вы всем позволяете спорить с вами?

– Только тем, кто часто оказывается прав.

– Небольшой список.

– Он экономит время.

Она ожидала от него другого. Угроз, наверное. Или наслаждения её положением. Кайрен слишком давно жил среди людей, которые заранее назначали ему жест, и научился замечать мгновение, когда они не получали ожидаемого.

На столе лежала бумага с протоколом. Рядом – её медная пластина в кожаном чехле, ножи, моток серебряной нити и окровавленная игла. Сена не коснулась инструментов голыми руками. Тоже разумно.

– Вы пришли в караульную сами, – сказал Кайрен.

– И это, конечно, доказывает особую преступную хитрость.

– Это доказывает, что обнаруженное вами важнее свободы. Или вы хотели попасть во дворец.

– Если бы я хотела попасть во дворец, надела бы платье и нашла герцога с плохим зрением.

В коридоре кто-то подавился кашлем.

Кайрен взглянул на плечо Сены. Оно не дрогнуло.

– Покажите клятву, – сказал он.

– Верните пластину.

– Нет.

– Тогда пригласите хранителя, который умеет ею пользоваться.

– Таких не осталось.

Она впервые отвела глаза. Совсем ненадолго, к окровавленной игле.

– Один остался, – сказала она. – Вы его казнили.

Слова не были неожиданностью. Всё равно вошли точно.

Кайрен разгладил край левой перчатки. Плохая привычка. Орсен отучал его от неё в детстве, ударяя серебряной линейкой по пальцам. Король не должен показывать, какая мысль причиняет боль. Особенно если рядом есть человек, умеющий читать скрытые условия.

– Ваш отец был осуждён советом и Палатой клятв.

– По вашему приказу.

– Приговор подписал я.

Лиара наклонила голову. Она услышала границу формулировки. Конечно услышала.

– А доказательства подлинности собственной подписи вы проверяли?

Внимание Кайрена стало острее.

Последние семь месяцев на юге исполняли распоряжения, которых он не отдавал. Небольшие: сменить гарнизонного казначея, задержать обоз, освободить от пошлины судно дома Рет. Оттиски были безупречны. Трех писцов повесили за подделку, один лишился памяти до суда. Но источник не нашли. Орсен называл случаи неизбежной платой за разросшуюся канцелярию.

На прошлой неделе Кайрен получил свой приказ, написанный почерком отца.

Король Элвар умер десять лет назад.

– Что вы увидели в колодце? – спросил он.

– Сначала пластину.

Он мог велеть Сене прижать её руку к столу. Мог пообещать вернуть инструменты после ответа, и обещание вошло бы серебром под его рёбра. Мог заставить хранителя вскрыть память задержанной – незаконно, но Палата нашла бы формулировку.

Перед ним сидела дочь человека, который едва не разрушил северную защиту. Если она пришла закончить его работу, каждый лишний миг стоил жизней.

Если она говорила правду, всё это тоже стоило жизней.

Кайрен поднял пластину двумя пальцами в перчатке и через отверстие в решётке положил на ближний край стола. Не бросил: металл мог отскочить к её руке, а его перчатки не всегда означали безопасность.

Лиара придвинула инструмент. Коснувшись крови на игле, пластина осветилась. Семь канавок наполнились тусклым серебром.

Сена вернулась в дверной проём целиком.

– Это началось на брачной печати женщины из квартала Красильщиков, – сказала Лиара. – Потом нить ушла к седьмому колодцу. Вода связана со стенами и куполом. Сеть включает гражданские присяги, договоры гильдий, храмовые клятвы и, вероятно, всё, что удостоверяли хранители за последние годы.

– Цель?

– Передать жизнь жителей одному владельцу.

– Когда?

– Через сорок дней. Может быть, раньше, если последний виток затянут вручную.

Сена подошла ближе к решётке.

– Сколько жителей?

– Все, кто признаёт защиту стен и хотя бы раз пил воду из городских колодцев. Дети тоже, если родители вписали их в домовую клятву.

Кайрен не позволил себе сосчитать. Число пришло само: двести восемьдесят тысяч по зимней переписи, ещё двадцать тысяч незарегистрированных рабочих, беженцев и тех, кого дома скрывали от налогов. Триста тысяч – приблизительно. Слишком много, чтобы приблизительность имела смысл.

– Владелец назван?

– Его имя скрыто слоями приказов. Но клятва несёт вашу печать.

Сена повернулась к нему.

Это движение было почти незаметным. Кайрен всё равно его увидел.

– Я её не создавал, – сказал он.

Серебро на его королевской присяге под ключицей осталось холодным. Лиара смотрела туда, будто могла видеть сквозь чёрный камзол.

– Слишком простая фраза, – сказала она. – Вы могли приказать создать. Могли позволить. Могли подписать часть, не зная целого.

– Я не приказывал создавать этот договор, не позволял этого и не подписывал ни одной известной мне части такого договора.

На этот раз присяга отозвалась жаром. Не наказанием – подтверждением.

Лиара это заметила. Её пальцы перестали тереть след.

– Тогда кто-то пользуется вашей печатью.

– Или вами, – добавила Сена.

Кайрен поднялся.

– Закройте колодцы.

– Нельзя, – сказала Лиара одновременно с капитаном.

Он перевёл взгляд на неё.

– Сеть уже вплетена. Если вы резко перекроете воду, узел решит, что жители пытаются нарушить гражданскую клятву. Цена может списаться сразу. Нужно войти в Сердце и увидеть договор изнутри.

– Вход закрыт.

– Для вас?

– Для любого мастера, не связанного с королевской кровью.

– Очень удобно.

Закон был старше династии Морвейнов. После Войны обещаний, когда три мастера продали разные части столицы разным хозяевам, доступ к Сердцу оставили монарху и его супруге: считалось, что брачная клятва не позволит им тайно действовать друг против друга.

Кайрен никогда не собирался жениться. Орсен и совет спорили об этом десять лет, предлагали дочерей, сестёр, вдов и один раз – принцессу, которая прислала вместе с портретом перечень условий на двадцати страницах. Никто из них не знал настоящей причины отказа. О проклятии знали Орсен, Тален и двое мёртвых слуг.

Теперь у него было сорок дней, городская клятва и единственный живой мастер, у которого были причины желать его смерти.

Причём она могла войти в Сердце только как его жена.

– Капитан, – сказал Кайрен, – найдите верховного хранителя. Не сообщайте содержание допроса. Скажите, мне нужна полная копия закона о доступе к Сердцу.

– Вы знаете закон наизусть.

– Хочу узнать, знает ли его Орсен.

Сена повернулась к Лиаре.

– А с ней?

– Никому не касаться. Не давать воды из дворцового водовода. Еду приносить в запечатанной посуде.

Лиара встала так резко, что стул ударился о стену.

– Я не останусь в камере, пока вы решаете, насколько выгодно использовать найденное.

– Вы арестованы за запрещённую магию, повреждение королевского колодца, ношение инструментов казнённого изменника и использование подложного имени.

– Я пришла предупредить вас.

– Именно поэтому вы ещё можете жаловаться.

Гнев изменил её лицо сильнее страха. Она шагнула к решётке, забыв о расстоянии. Кайрен отступил прежде, чем её пальцы легли на металл напротив его руки.

Лиара заметила.

В комнате стало тихо. Сена знала, что он не любит прикосновений; весь двор знал. Но между нелюбовью и мгновенным отступлением была разница, и Лиара умела видеть ложные края.

– Почему нельзя касаться? – спросила она.

– Это не относится к делу.

– Если мы должны работать в Сердце, относится.

Кайрен мог солгать. Сказать о яде на перчатках, о ритуальной чистоте, о династическом запрете. Но рядом лежала медная пластина, и ему предстояло предложить женщине договор, в котором одна недосказанность могла убить её.

Он снял правую перчатку.

Сена выругалась и захлопнула внешнюю дверь, отрезая любопытных стражников. Она осталась в комнате, как требовал закон.

Кайрен держал руку далеко от решётки. Чёрно-серебряные линии шли от ладони к запястью, теснились вокруг суставов. Они были похожи на трещины в обожжённом стекле. Даже воздух над кожей казался холоднее.

Лиара не отвела глаз.

– Проклятие?

– Наследство.

– Что оно делает?

– Случайное прикосновение причиняет другому боль. Добровольное забирает жизнь. Чем осознаннее близость, тем больше цена.

– Сколько?

– Рукопожатие может стоить месяцев. Поцелуй – лет.

Она смотрела теперь не как дочь казнённого, а как мастер. Кайрен знал этот взгляд: жадный до устройства и сердитый на плохую работу.

– Кто создал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.